

Всероссийская олимпиада школьников по литературе
Муниципальный этап
11 класс

Аналитическое задание

Из двух предлагаемых для анализа текстов необходимо выбрать один: эпический или лирический.

Выполните целостный анализ произведения **Арины Обух «Муха имени Штиглица, или А будущее – по самочувствию»**. Размышляя над прочитанным, ответьте на следующие вопросы:

1. Над какими «вечными» проблемами размышляет автор?
 2. Что Вы можете сказать о повествователе?
 3. В чем заключается своеобразие композиции?
 4. Как связаны между собой отдельные главы?
 5. Какова роль диалогов?
 6. Для чего автор вводит в текст мифологических персонажей?
 7. В чем своеобразие хронотопа произведения?
 8. Каковы Ваши наблюдения о языке произведения?
- Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

А. Обух

Муха имени Штиглица, или А будущее – по самочувствию

От Лебяжьего канала, за Цепным мостом, поверх Соляного городка высился стеклянный свод художественно – промышленного музея барона Штиглица...
Кузьма Петров-Водкин «Пространство Эвклида»

Петербург создан для художников. Причём очень бедных художников. Имеющих за душой две-три краски, не более...

- Слушай, напиши книжку про Муху.
- Про какую муху?
- Да про свою Муху – Академию Штиглица.
- Да, да! Напиши!.. – вторит хор голосов.

Почему я?!

Да не хочу я писать ваши книги, рисовать ваши картины и донашивать ваши мечты из секунд-хенда!.. Я другое дерево.

- Какое, интересно?
- Синее.

Сказано – не сделано.

Напишу книгу. Бестселлер. Заработаю много денег и куплю себе нормальную жизнь.

А проживу её чуть позже.

...Когда я впервые переступила порог Мухи, академии имени Штиглица, меня потрясли три вещи: Пергамский алтарь, в аудиториях одни девушки (ни одного Петрова-Водкина!) и отсутствие счастья на лицах.

Мне казалось, если ты учишься в Штиглице, куда некоторые художники поступали по пять-шесть раз, то выражение счастья не должно сходить с лица: судьба решена, смысл обозначен. Улыбайся, подлец!

Спустя время, уже учась в академии, я увидела в зеркале XIX века недовольную россомаху – это была я. Ожидание счастья угасло и во мне.

Кстати, в этом зале ожидания я стояла с трех лет.

– Жила-была девочка, и звали ее Счастье.

– Нет: Обух!

– Жила-была девочка, и звали ее Фламинго.

– Нет: Обух! – сопротивлялась я.

– Ну хорошо. И звали ее Обалдуй Обух.

– Ну-у, это неприличность.

– Кузьма-а-а!.. – смеялся папа. – Вот уж не думал, что так с фамилией угожу!

Всё детство меня называли Кузьмой (хочется думать, что в честь Петрова-Водкина, главного штигличанина, которого в семье чтили).

У меня тяжёлая наследственность: папа въехал во дворец Штиглица в коляске – два студента-монументалиста, мои будущие бабушка и дедушка. Родили третьего монументалиста и бросились все втроем сдавать сессию.

И если уж совсем точно, то я впервые въехала в академию, балансируя на плече папы. Мне было года три.

...Белая мраморная лестница. Долго поднимаемся. Оказываемся в огромном зале. Над головой стеклянный купол. Идём по длинным коридорам, снова лестницы, картины, колонны... Шум, люди. Поднимаемся ещё выше. Все жмут друг другу руки. Обнимают. Смеются. Пьют вино за встречу и за 5-й этаж.

Так и запомнилось: здесь радуются и все друг друга любят. Здесь – счастье.

А таинственный «5-й этаж», как выяснилось позже, – это монументалка, декоративно-монументальное отделение живописи. «Стены красим», – брезгуя пафосом, обычно говорили монументалисты. Я повторяла за ними. «Чем занимается твой папа?» – «Стены красит», – отвечала я.

И все думали, что мой папа маляр.

Муха имени Штиглица

Во времена моих родителей академию называли училищем имени Веры Мухиной, в просторечии – Мухой. Сам же Александр Людвигович нарёк свой дворец Школой технического рисования барона Штиглица.

Я думаю, глядя на эту роскошь, названную просто «школой», что скромность барона зашкаливала. Впрочем, в те времена красота являлась нормой: в моде была архитектура, а не дизайн.

Между прочим, когда академия называлась училищем имени Веры Игнатьевны, студенты любили с шиком козырнуть Штиглицем: во-первых, это было справедливо. Во-вторых, звучало красиво и даже как-то баронно. Однако сегодня, когда имя Александра Людвиговича вернулось на свое законное место, многие по-прежнему зовут академию Мухой... И в этом тоже есть своя справедливость.

Скажем так: Муха имени Штиглица.

На гербе барона Штиглица три пчёлки. Он действительно трудился как пчела: строил железные дороги, вокзалы, приюты, учреждения... Но самым любимым детищем его была школа технического рисования – с великолепным убранством внутри (впоследствии утраченном в хаосе революций), огромной библиотекой и потрясающим музеем, построенным академиком архитектуры и первым директором Максимилианом Месмахером.

Невероятно, но этот ДВОРЕЦ находится в переулке. С земным названием: Соляной, 13.

...

В зале ожидания

В изостудию Эрмитажа я поступила по конкурсу в пять лет. Все дети пришли с нарисованными цветочками и принцессами, я пришла с «Изгнанием из рая». Толстенную папку с работами (жаль, что нельзя было принести с собой и разрисованные дома стены) приняли на рассмотрение. Взрослые не верили, что в эту изостудию можно поступить без блата, который, по слухам, нужен везде, даже когда тебе пять лет.

– Ну что? – спрашивали родители. – Что тебе там сказали?

– Не помню.

– Как это?! А ты вспомни!

– Не помню, – честно говорю я.

– Но это же важно! Они работы твои смотрели?

– Смотрели.

– И что сказали?

– Не помню.

Родные в растерянности.

– Вспомнила! – радуюсь я. – Они сказали: идем, девочка, мы покажем тебе, где выход.

– И это всё?!

– Да.

Пауза. И отчаяние:

– О боже!.. Если моего ребенка с такими шедеврами не примут в Эрмитаж, я вцеплюсь в горло Пиотровскому.

В назначенный день мама стояла у стенда и долго смотрела в список о зачислении, забыв от волнения мою фамилию (у мамы и папы разные фамилии, потому что они состоялись до того, как поженились).

Домой она ворвалась с тортом и криком:

– Справедливость торжествует.

– Она всегда торжествует. А ты не знала об этом? – снисходительно ответила я, наслушавшись сказок.

Горло директора Эрмитажа было вне опасности, его шею по-прежнему украшает элегантный шарф.

На протяжении шести лет я ходила в Эрмитаж по субботам. Зима. А сейчас мы нарисуем зиму. Весна. А сейчас мы нарисуем весну. Рисуешь весну, приносишь, а тебе говорят:

– Ты нарисовала небо, какого не бывает.

Выходишь на улицу и видишь небо, какого не бывает.

– Мы не будем учить вас рисовать, – говорили в изостудии. Этому будут вас учить стены Эрмитажа. Он ваш.

И он действительно был наш. Со всеми его сокровищами, выставками и карнавалами, где мы, как правило, изображали из себя древних греков и в праздничной суете можно было услышать такие разговоры взрослых:

– Здравствуйте, это вам звонит мама Сизифа.

Или:

– Это папа Геракла, прошу прощения за поздний звонок.

Эрмитаж был единственным моим окном в жизнь. Форточкой.

Дело в том, что в школу я не ходила до шестого класса: аллергия. Кругом были мои личные враги: пыль, коты, собаки, цветы, морской бриз, чужие духи, чужие носки и т.д. Даже из музеев, где пыль священна, мы выбегали очертя голову.

Гостей в дом не пускали. Правда, однажды к нам пришел друг, причем в новых носках и новой рубашке, и даже показал чек из магазина: мол, все новье, чистое, никаких ароматов. Его пустили. А через полчаса выгнали, потому что от гостя несло четырьмя его собаками и мой нос тут же об этом доложил.

И вот в режиме такого затворничества меня впервые повели в кинотеатр, и это было чудо. Поэтому, когда в изостудии Эрмитажа спросили: дети, как вы провели лето? – и все наперебой радостно закричали: я был в Испании! а я в Болгарии! а я в Париже! – то я тоже, как последний дурак, стала тянуть руку, чтобы поделиться своим счастьем.

– Ну а ты где была, Арина?

– А я была в кино!

И всеобщее недоумение коллектива долго было для меня загадкой.

Пропала жизнь, дядя Ваня

Из-за моей аллергии у меня огромные лакуны в образовании. Я всю жизнь боялась, что меня спросят, когда отменили крепостное право (почему-то именно крепостное право): меня не примут в лицей, выгонят из института, и любимый от меня отретется. Ещё я не умею определять время по часам со стрелками. Родители не постигали, как такое может быть. Я отвечала:

– Вы какие-то древние греки – определяете время по палкам.

Ко всему еще у меня бабушкины белорусские гены в грамматике.

Белорусский язык – фонетический язык, то есть как слышишь, так и пишешь: «Масква», «каралева» и т.д. Очень удобно. Прекрасный язык!

В общем, на память о школе у меня осталось два ужаса – ожидаемый исподтишка вопрос о крепостном праве и брошенная фраза разгневанного учителя по математике:

– Ты кем собираешься быть – математиком или несчастным гуманитарием?!

И тут, конечно, была уместна реплика из Чехова, что-нибудь этакое: «Пропала жизнь!...»

Пропала жизнь, дядя Ваня...

Со временем моя аллергия утихомирилась, и мы решили поступать в знаменитый художественный лицей №190 при Мухе, где родителям сказали:

– Ваш ребенок талантлив, но совершенно не образован.

Вина висела на папе, который категорически был против, чтобы детей учили рисовать «правильно». И на маме, которая говорила:

– Я родила тебя для счастья, а не для ЕГЭ. Перестань зубрить, иди гулять. Получишь двойку – куплю тебе шоколадку.

– Тогда ты должна мне уже две шоколадки.

Но в лицей я все же поступила. На голом таланте, не особо обогащённом знаниями...

А после лицея... Казалось, начнется новая жизнь, «чистая, как родник, светлая, как солнце...» – а будет лишь продолжение старой. Потому что Муха находится через дорогу от моего художественного лицея, лицей – через мост от изостудии Эрмитажа, а Эрмитаж – через мост от моего дома. И когда лицей закончится, будет ощущение, что я просто перейду через дорогу в двенадцатый класс. И со мной перейдут почти все крысы.

Крысы – это не обзывательство. Это факт биографии моих одноклассников – год рождения. Люди 1996 года.

В лицее нас усердно, по-честному готовили к Мухе. Муха была нечто вроде оазиса, точнее, миража в пустыне. Нет ничего, кроме Мухи. Вам ничего, кроме Мухи, не нужно, но вы не обольщайтесь: не факт, что вы ей нужны. Она не всех принимает. У вас клочковатое сознание: это когда Пушкин – это одна планета, Лермонтов – другая, девятнадцатый век – третья. И если они столкнутся, это будет время большого взрыва в ваших головах. С непредсказуемыми последствиями. Потому что вы поколение ЕГЭ, пепси и жвачки.

...

Муха ходит справа

В Мухе по левой стороне парадной лестницы несется туда-сюда толпа студентов и абитуриентов, а на правой – никого.

Там ходит муза, предупредили нас. Не рискуй, можно наступить музе на ногу. Потом не поздоровится. Музы обидчивы.

А пугги на фонарях очень любят цветы, конфеты и банты, их ладошки и пятки заласканы до блеска – это идолаи всех абитуриентов и сдающих экзамены. Языческие отголоски.

Я хотела поступать на книжную графику. Но после того как меня на консультации попросили стереть у русалки хвост и дорисовать две ноги, я поняла, что тут у меня не заладится.

На монументалку идти по папиным стопам – не женское это дело, сказал папа.

Мебель? Но ничего личного у меня к мебели не было, разве что дома у нас на баночках гороха «Бондюэль» покоился старинный стол – еще от прабабушек... Это было странное сочетание, и гости не понимали, *что* это – дизайн или наш стратегический запас: типа в случае стихийного бедствия кто куда, а мы к баночкам «Бондюэль». На самом деле стол был низкий и баночки гороха его «возвышали», это была временная опора, которую позже сменили баночки с персиками.

Как-то раз (дело было еще в школе) ко мне пришел Артем помогать с алгеброй («Любовь – это помогать ей перед экзаменом»). Значит, то была все же любовь?). Он увидел эти баночки с персиками и сказал:

– О, у вас перестановка!..

В общем, перебрав все факультеты, я остановилась на художественном текстиле.

– Будешь работать на заводе – ковры ткать.

– Не буду.

– Будешь шторы расписывать.

– Не хочу.

– А чего ты хочешь?

Хотелось рисовать русалок.

– Художнику всё равно, что портить, были бы краски. А рисовать можно на чём угодно: на дереве, на бумаге, на ткани...

Это правда.

Между прочим, кузнецы сегодня называют себя художниками по металлу, столяры – художниками по дереву, портные – стилистами.

И все вместе дизайнеры. Блин.

Пряха судьбы

Её зовут Макошь. Языческая богиня земли и ткачества. Великая ткачиха пряла не только пряжу, но и нити человеческой судьбы.

Свою судьбу она тоже устроила, спряла. На орнаментах древнерусских вышивок Макошь изображена с протянутыми к небу руками. Небо – её муж, бог-кузнец Сварог. Земля держит небо, небо держит землю – равновесие мира проходит через этих влюблённых, говорят мифы. Красиво говорят.

Иногда она держит птиц. Это её сестры-помощницы – Доля и Недоля.

Сейчас таких богинь в огромном количестве выпускает наша академия Штиглица.

Я заправляю ткацкий станок. Кручу вал. Протягиваю нити основы в ремизки...закрепляю на переднем валу... отматываю. И когда вертикальная система нитей уходит куда-то за горизонт огромного ткацкого станка (это мне неинтересно или всем?), начинаю ткать, впуская первую синюю нить утка сквозь основу. Чувствую себя то Макошью – богиней ткачества и распорядительницей судеб, то просто ткачихой, спустившейся с антресолей.

Идет неспешная размеренная работа. Ткацкая пуста. И кажется, можно услышать, как дышит пыль. Ведь всё живое дышит. А что может быть живее пыли? Она, как и плесень, была до нас и будет после. И вот под равномерное дыхание пыли я тку гобелен. Челнок снуёт из стороны в сторону, пропускает уток из стороны в сторону и погружаясь в сон. В вещий сон вещей.

Тук жизни

– Ну, черти полосатые, что ж вы пишете-то?! Я специально такую тряпку вам повесил!.. Да это не тряпка – это подарок судьбы! Писать чёрный надо вот так!.. Чтоб звенел! Чтобы черти боялись!

Наши любимые преподаватели... Они нам нравятся. А мы их просто бесим.

– Вы бедного Давида замучили уже! Где затылок у него, я вас спрашиваю? Вы же его без мозгов оставили. У него лицо по золотому сечению, а ты яблоко вместо головы нарисовала. Идите все замуж! Нечего вам тут делать!

Мы замучили не одного Давида. У нас ещё были Гомер, Август... Благодаря Давиду я научилась правильно рисовать нос. После такого успеха его нос изображался на всех портретах. (Даже у Афродиты.)

Августа я терпеть не могла. Три презрительно поднятых подбородка. Зрачков нет. А всё равно видно, что поверх твоей головы смотрит.

– Раньше в Мухе учились одни мальчики. Сегодня одни девчонки! Что изменилось в мире? Войны не будет? Это хорошо. Но проблемы будут у Гименея. Та-ак... Только цветочки будете нам рисовать? Зачем миру столько цветочков?!

Нам советуют идти замуж, и мы спускаемся в ткацкую. Плести судьбу.

Зубчатое деревянное животное с торчащими из брюха колёсами и выпадающими изо рта нитями смотрит на нас устало. Многовековая усталость.

– Он немного скрипит, а что вы хотите, девятнадцатый век. Надо проникнуться. Ткать на нём тяжело, но потом все перейдёте на новые станки. Вот, например, наш новый финский станок...

Деревянный белокурый финн глядит на нас весело. Похож на сказочные качели. На нём можно соткать ковёр-самолет.

Станки заняты. Очередь. В ожидании своего часа занимаемся ручным ткачеством. Стучим вилками, прибывая нить к нити. (Вообще-то для этого есть специальные колотушки, но нам ближе вилки.) Мы похожи на семейство дятловых, а не на богинь Судеб.

Уже начался апрель, и кусочки света, отрываясь от оконной рамы, скользят по стене, смущая и искушая счастливой долей.

– А Аню правда из Мухи выгнали?

– Ага.

– Кошма-ар.

– Кошма-а-ар, – подхватывает хор голосов.

– Ничего не кошмар. Я в интернете видела – у неё своя школа танцев, палантины красивые делает и продаёт, парень есть...

Ткацкие вилки затихли.

– А что мы вообще будем делать после Мухи? А? Фабрики закрываются... Парусинка Штиглица травой поросла...

– Та-ак... Девочки, работаем, не болтаем, не отвлекаемся. У нас завтра обход.

Текстильный городок снова оживает, набивая свой ритм.

«Надежды маленький оркестрик под управлением любви» стучит вилкой по пряжке, как голодный ребенок по тарелке: кто-то отбивает барабанную дробь, кто-то перебирает нити руками, как струны арфы, кто-то проводит вилкой вдоль натянутой основы, получая гитарный звук: «тру-у-ум, тру-у-ум. Тук-тук-тук-тук-тук...»

Всё это вместе составляет единый неравномерный тук жизни.

И вообще – есть ли жизнь после Мухи?

...

Постскриптум

– Ты прочел мою «Муху»?

– Да.

– И как?

– Обух, всё очень плохо.

– Как?... Тебе же ведь нравилось начало...

– Нет, начало нужно полностью удалить. Ты путаешь времена. Ты скачешь. Ты сама себя перебиваешь. Одну главу можно превратить в двадцать страниц честного текста. Составь план.

– Но у меня же клочковатое сознание...

Я вздохнула, но листы бумаги не упали с его стола.

Тут должна пойти песня Козина. Но она не идет. Идет снег. Потому что февраль. И потому что «каждый пишет, как он дышит».

Я надышала.

Просто надышала.

Получился узор на стекле.

Дышу дальше...

Обух Арина Павловна (род. в 1995 г. в г. Санкт-Петербург). Выпускница Художественно-промышленной академии им. А.Л. Штиглица, художник-график. Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Лауреат Международного Волошинского конкурса, национальной премии для молодых авторов "Русские рифмы. Русское слово", Молодёжной премии Правительства Санкт-Петербурга в области художественного творчества, премии журнала "Знамя", общероссийского конкурса "Молодые писатели России. XXI век". Публикуется в журналах "Звезда", "Дружба народов", "Знамя" и др.

Выполните целостный анализ стихотворения **Г. Поженяна «Я старомоден, как ботфорт...»**. Размышляя над текстом, ответьте на следующие вопросы:

1. Каков идеал поэта?
 2. Как в его представлениях об идеале сосуществуют политическое, нравственное, бытовое, семейное?
 3. Какова роль бытовых деталей?
 4. Для чего автор отсылает нас к прошлому? Как он его воспринимает?
 5. Как соотносятся прошлое и настоящее?
 6. В тексте есть отсылки к произведениям искусства. Какова их функция?
 7. Какова функция анафоры?
 8. На какие языковые особенности вы обратили внимание?
- Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Г. Поженян

Я старомоден, как ботфорт
на палубе ракетноносца,
как барк, который не вернётся
из флибустьерства в новый форт.
Как тот отвергнутый закон,
что прежней силы не имеет,
и как отшельник, что немеет
у новоявленных икон.
...Хочу, чтоб снова кружева,
и белы скатерти, и сани.
Чтоб за морями, за лесами
жила та мудрость, что права.
Хочу, чтоб вновь цвела сирень,
наваливаясь на заборы.
Хочу под парусом за боны
и в море – всех, кому не лень.
Хочу, чтоб без земных богов.
И, презирая полумеру,
за оскорбление – к барьеру,
считай четырнадцать шагов.

Хочу, чтоб замерла толпа
пред Биргером и пред Ван-Гогом,
чтоб над арканами монголов
смеялся дикий конь тарпан.
Чтоб нам вернули лошадей,
чтоб наши дети не болели,
чтоб их воротнички белели
и было всё как у людей.
Чтоб ты жила, чтоб ты плыла,
чтоб не скрипел военный зуммер,
чтоб я, не заживаясь, умер,
окончив добрые дела.

Григорий Михайлович Поженян (1922-2005) – советский и русский поэт, автор популярных стихов и более шестидесяти песен. Участник Великой Отечественной войны. Дважды лауреат Государственной премии России.

Творческое задание

Напишите одноактную пьесу/философский диалог. Ваш alter ego, второе «я», беседует с любимым литературным героем о важнейших философских и нравственных проблемах. Постарайтесь поставить наиболее актуальные вопросы, выразить свое собственное видение реального и идеального мира и представить, что мог бы сказать по тому или иному вопросу выбранный вами персонаж.

Объем ответа – 150-200 слов.